

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.15

К.А. СОСНЕРЖ

УДК 332(=512.31) (091)

ББК 65.9(2)32-5г

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА КАК СРЕДСТВО ИНКОРПОРАЦИИ БУРЯТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье рассматривается комплекс мероприятий, направленный на упрочение единства Европейской и Азиатской частей России в рамках империи. Анализируется роль распространения земледелия среди коренного населения в процессе экономической интеграции сибирского региона. Также, показана роль христианства как дополнительного и не менее важного инструмента по привлечению кочевников-бурят к оседлости.

Ключевые слова: землеустройство бурятского населения, Сибирь, модели инкорпорации, унификация.

К.А. SOSNERZH

LAND REFORM AS A MEANS OF INCORPORATION OF THE BURYAT PEOPLE INTO THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)

The article considers a set of measures aimed at strengthening the unity of the European and Asian parts of Russia within the Empire. The article analyzes the role of the spread of agriculture among the indigenous population in the process of economic integration of the Siberian region. It also shows the role of Christianity as an additional and no less important tool for attracting nomadic Buryats to settle.

Keywords: land management of the Buryat population, Siberia, incorporation models, unification.

Методы включения окраинных территорий в состав Российской империи менялись на протяжении всего существования государства. Присоединение каждой новой территории с ее иноязычным населением ставило перед правительством проблему инкорпорации этих территорий в экономическое, административно-правовое и культурно-бытовое пространство Российской империи.

Присоединенные территории на Востоке существенно отличались от Европейской части России природно-климатическими условиями, уровнем своего экономического развития, этно-конфессиональным составом

населения. В частности, в отношении сибирских окраин правительство Российской империи действовало с учетом социально-экономической отсталости региона, поэтому отдавало себе отчет в том, что на начальном этапе регион невозможно полностью подчинить российскому законодательству. Тем не менее, для правительства было важно создать такие условия в регионе, которые соответствовали бы потребностям федерального государства.

В XIX в. с началом развития горной промышленности, золотодобычи, урбанизации, а также с ростом численности русского населения в целом поднялся спрос на продукты земледелия и животноводства. Это заставило правительство задуматься о развитии надежной продовольственной базы на Востоке, а также взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев.

Во второй половине XIX в. проходил процесс совершенствования модели управления окраинами. Во внутренней политике правительства наблюдались тенденции к хозяйственной, административной и финансовой унификации с целью обеспечить единство Европейской и Азиатской частей России.

Весь комплекс мероприятий, разработанный в данный период, был направлен на ликвидацию старого административно-территориального устройства. После этого планировалось установить на территориях коренного населения Сибири единую для всей России волостную организацию. Очевидно, что для достижения этой цели необходимо было не только унифицировать землепользование коренного населения с русским, но и в целом реформировать административное устройство края.

Одной из главных особенностей аграрного строя в Сибири явилось отсутствие генерального размежевания. Земельные угодья не были юридически разграничены. Как отмечает исследователь И.А. Асалханов, местное коренное и русское население привыкло самостоятельно распоряжаться землями и лесами [2, с. 82].

Кроме этого, к концу XIX в. темпы переселения русского населения в Сибирь значительно возросли. По данным исследователя Л.М. Горюшкина, в период с 1861 г. по 1885 г. в Сибирь ежегодно переселялось около 12 тыс. человек, а в 1886–1895 гг. — свыше 39 тыс. человек [3, с. 116].

Таким образом, необходимо было как можно скорее решить аграрный вопрос в регионе, потому что именно он являлся тем стержнем, на котором основывались дальнейшие мероприятия правительства в отношении сибирского населения. Землеустроительные работы в Забайкальской области начались лишь в 1908 г. — на 9 лет позже, чем в Иркутской губернии. Прежде всего, это было связано с крайней запутанностью местных поземельных отношений, значительно высоким количеством кочевого «инородческого» населения, а также с целой серией на-

циональных движений против земельной реформы. Важно отметить, что на аграрную политику самодержавия на территории области влияли как внешнеполитические обстоятельства — близость границ к Тихому океану, так и внутривластные — решение переселенческого вопроса.

В связи с перечисленными обстоятельствами, 23 мая 1896 г. был принят закон «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской», в котором российское правительство объявлялось собственником земли [9, л. 503]. В июне 1898 г. были утверждены «Правила о порядке определения земельных наделов...» [11, л. 454]. Согласно п. 3 Правил, кочевые «инородцы», на территории которых землеустроительные работы были завершены, перечислялись в разряд «оседлых» и уравнивались в правах и обязанностях с русским крестьянским населением. По замечанию исследователя Л.М. Дамешкека, переход на «оседлость» подразумевал выплату налогового оклада государственных крестьян, который являлся существенно выше, чем оклад кочевого населения [6, с. 200].

По данным переписи 1897 г. в Иркутской губернии числилось 514 267 чел. (об. п.) наличного населения. Из них 308 626 чел. или 60 % приходилось на крестьянское сословие и 115 843 чел. или 22,5 % на сословие «инородцев». Почти все инородческое население Иркутской губернии составляли буряты 108 887 чел. или 94 %. Согласно материалам переписи, 98 944 чел. или 91 % из числа бурятского населения назвали земледелие в качестве своего основного занятия. Животноводство — 6 449 чел. или 6 % [14, с. 115].

Эти цифры говорят о том, что на территории Иркутской губернии к концу XIX в. практически все «инородческое» население было занято земледелием. Также, по мнению исследователя А.М. Курышова, бурятское хозяйство на данном этапе уже было земледельческим, однако обладало специфическими чертами, связанными со все еще значительной ролью скотоводства. На данном этапе, скотоводство среди бурят Иркутской губернии, по мнению автора, стояло на одном уровне с животноводством русских крестьян. А также, являлось оптимальной формой хозяйственной жизни в данных географических и социальных условиях [7, с. 160–161].

Для сравнения приведем данные переписи 1897 г. по Забайкальской области, где классическое кочевое скотоводство было изначально распространено шире, чем среди бурят Иркутской губернии. В Забайкальской области на момент переписи числилось 672 037 чел. (об. п.) наличного населения. Из них 239 011 чел. (35,6 %) относились к крестьянскому сословию, 184 046 чел. (27,3 %) — к «инородческому». Земледелие в качестве основного занятия назвали 36 115 чел.

(19,6 %) бурятского населения, животноводство — 138 581 чел. (75,3 %) [13, с. 120–121].

Распространение пашенного земледелия среди коренного населения Сибири имело целью не только экономическую, но и социокультурную их инкорпорацию в состав Российской империи. На данном этапе главная роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски [5, с. 38].

Дополнительным и не менее важным инструментом по привлечению кочевников-бурят к оседлости послужило распространение христианства. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют о том, что для большинства крестившихся «инородцев» следующим шагом был переход на оседлое производство, повлекшее за собой более интенсивное развитие земледелия в регионе. В ходе этого процесса, на разных территориях Сибири образовывались целые деревни крещеных оседлых «инородцев», которые уже практически ничем не отличались от крестьянских сел [6, с. 306]. По мнению исследователя Б.З. Нанзатова, как правило, христианство принимали люди, находившиеся в конфликтной ситуации с обществом, с его зажиточной верхушкой, родоначальником. Такой раскол подкреплялся административными изменениями — смена сословия и место жительства. Принявшие христианство буряты переселялись в крестьянскую волость, либо образовывали отдельное поселение, разрывая связи с сородичами [8, с. 105].

Анализ статистических данных материалов переписи 1897 г. говорит о довольно широком распространении православия среди бурятского населения в конце XIX в. В Иркутской губернии из числа наличного населения 514 267 чел. (об. п.) относили себя к православному вероисповеданию 428 301 чел. (об. п.) или 83 % населения. К числу жителей губернии, исповедовавших «буддистскую и ламаитскую» веру, а также различные языческие культы, относилось 63 648 чел. (об. п.) или 12 % населения [14, с. 52–53]. В Забайкальской области из числа наличного населения 672 037 чел. (об. п.) исповедовали православную веру 443 009 чел. (об. п.), что составляет 66 % населения. «Буддизм и ламаизм» и языческие культы исповедовали 178 628 чел. (об. п.) или 27 % населения [13, с. 60–61].

Таким образом, в результате целого комплекса экономических, административных и культурных преобразований происходило более интенсивное проникновение русской культуры в среду коренного населения. Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири,

допуск к получению образования детей только крещеных «инородцев», успешное продвижение по службе должностных лиц, принявших христианство. Так, в густонаселенном русскими крестьянами Балаганском округе Иркутской губернии из 218 должностных лиц лишь 13 человек, т. е. 6 %, принадлежали к язычникам, все остальные исповедовали православие. В Нижнеудинском округе все 16 должностных лиц из числа бурят и тофаларов, занимавших выборные должности, причисляли себя к православным [6, с. 232–233]. Такое положение полностью отвечало идеям правительства, которое стремилось транслировать свои интересы в регионе с помощью потомственной родовой знати — опоры самодержавия на Восточной окраине.

В период 1880–1890-х гг. среди местной администрации главным явился вопрос о ликвидации сословных привилегий «инородцев» по сравнению с русским населением и полное их подчинение крестьянским учреждениям и установлениям. На данном этапе предлагалось ликвидировать старое административное устройство, распространить действие паспортной системы на коренных жителей, привлечь их к воинской повинности. Эти мероприятия были направлены непосредственно на упразднение сословия «инородцев», которое перестало существовать уже в начале XX в.

В 1892 г. генерал-лейтенант А.Д. Горемыкин направил в Министерство внутренних дел свой проект, в котором предложил распространить на Сибирь Закон о земских начальниках, обеспечив их более расширенными функциями — контроль как крестьянского, так и коренного населения. Причем, в отношении «инородцев» А.Д. Горемыкин предлагал возложить на земских начальников обязанности надзора за деятельностью местного управления, а также наделить их полицейскими и судебными функциями.

Предложения Горемыкина легли в основу закона 2 июня 1898 г., получившего название «Временного положения о крестьянских начальниках» [10, л. 403–404]. Несколько позже, крестьянским начальникам, на подведомственных территориях которых проживало коренное население, было присвоено название «крестьянских и инородческих начальников» [12, л. 876]. Согласно проекту Горемыкина, местное управление коренным населением таким образом было подчинено ведомству государственной администрации.

Новый штат чиновников, состоявший в основном из числа разночинцев, зачастую не имевших образования, в отличие от земских начальников Европейской части России, состоявших из числа образованных дворян, был призван обеспечить на территории Сибири продвижение и защиту интересов российского правительства [4, с. 24]. Крестьянские начальники имели большое влияние и на ход землеустроительных ра-

бот среди коренного населения. Это проявлялось в спорных вопросах относительно поземельного устройства — при разрешении конфликтных ситуаций чиновники руководствовались интересами, проводимой в этот период, переселенческой политики, а не интересами коренного населения. В целом, принятые проекты хотя и реформировали местное управление, но не отменяли, учрежденную Уставом 1822 г., поразрядную систему управления коренным населением, считавшуюся уже неактуальной и тормозящей экономическое развитие региона.

В результате, накануне первой русской революции 1899–1902 гг. делопроизводителю земского отдела И.И. Крафту было поручено разработать проект волостной административной реформы. Итогом работы стал документ под названием «Правила об управлении инородцами в местностях, на которых распространяется действие временного положения о крестьянских начальниках», явившийся наиболее полным законопроектом правительства со времен «Устава об управлении инородцев» 1822 г.

Согласно проекту Крафта, вместо родовых управлений и инородных управ вводились волостные управления по русскому образцу, а все наследственные должности заменялась новым штатом волостных старшин и сельских старост из числа зажиточных «инородцев». Стоит отметить, что изначально планируемое проведение волостной реформы одновременно с землеустроительными работами оказалось невозможным из-за медленного темпа землеустроительных работ на территории Сибири.

В 1908 г. министерские чиновники разного уровня потребовали от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевого населения в разряд оседлых. Особую активность на данном этапе проявил П.А. Столыпин. В январе 1909 г. по предписанию П.А. Столыпина сибирским губернаторам вменялось незамедлительно переводить на положение оседлых крестьян всех кочевников, получивших земельные наделы. Столыпин подчеркивал, что это перечисление «ныне возможно в любой момент», не дожидаясь окончания переписи [6, с. 276].

Выделенные наделы земли в ходе землеустроительных работ имели размеры 15 дес. на наличную муж. п. душу в Иркутской губернии и 30 дес. — в Забайкальской области. Вопрос о научном обосновании размеров, в зависимости от уровня хозяйствования населения, как правило, не ставился. По мнению исследователя Ч.Г. Андреева, такой подход не отвечал целям аграрной политики Российской империи [1, с. 109].

В ходе проведения волостной реформы, принявшей к этому моменту более агрессивные формы, кочевые «инородцы» незамедлительно были переведены в разряд оседлых. По данным материалов РГИА, к 1914 г. из 350 тыс. кочевников Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разря-

де кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло около 33 % всего коренного населения [15, с. 242].

Таким образом, проводимая политика Российской империи на Востоке была направлена на упрочение единства Европейской и Азиатской частей России в рамках империи. В распространении земледелия правительство усматривало способ инкорпорации коренного населения не только в экономическое, хозяйственное, но и в социокультурное пространство государства, что подкреплялось административными изменениями. Именно поэтому при включении сибирской территории в состав государства правительство и церковь выступали с единой позиции. Однако, в последующем, проведение волостной реформы более агрессивными методами спровоцировало целую волну недовольств и сопротивления нерусских народов.

Список использованной литературы и источников

1. Андреев Ч. Г. Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX — начале XX вв. / Ч. Г. Андреев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2011. — № 1 (1). — С. 102–115.
2. Асалханов И. А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX века / И. А. Асалханов // Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР. Серия историческая. — 1968. — № 5. — С. 82–98.
3. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 243 с.
4. Дамешек Л. М. Крестьянские начальники Иркутской губернии (1898–1917) / Л. М. Дамешек, Г. В. Оглезнева // Политика самодержавия в Сибири XIX — начала XX века : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1988. — С. 21–35.
5. Дамешек Л. М. Крайняя политика империи и методы инкорпорации коренного населения сопредельных территорий России XVIII — начала XX вв. / Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». — 2016. — Т. 17. — С. 35–47.
6. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.) / Л. М. Дамешек — Иркутск : Оттиск, 2018. — 456 с.
7. Курышов А. М. Экономические предпосылки реформирования землепользования бурят Иркутской губернии в конце XIX — начале XX века / А. М. Курышов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — С. 154–165.
8. Нанзатов Б. З. Буряты в зоне влияния православной церкви в XIX в. — начале XX в.: трансформация идентичностей / Б. З. Нанзатов // Вестник КИГИ РАН. — 2017. — № 5 (33). — С. 102–110.
9. ПСЗ-III. — Т. 16. — № 12998.
10. ПСЗ-III. — Т. 18. — Ч. 1. — № 15503.
11. ПСЗ-III. — Т. 18. — Ч. 1. — № 15539.
12. ПСЗ-III. — Т. 23. — Ч. 1. — № 23320.

13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXIV : Забайкальская область. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комитета МВД, 1904. — 184 с.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. — LXXV : Иркутская губерния. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. статист. комитета МВД, 1904. — 171 с.

15. Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.

Информация об авторе:

Соснерж Кристина Александровна — магистрант исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail:ksosnerzh@gmail.com.

Author

Kristina A. Sosnerzh — of the Master's Degree at the Faculty of History of Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, K. Marx Str., 1, e-mail: ksosnerzh@gmail.com.